

Ф. М. Достоевскій

ЗАПИСКИ ИЗЪ ПОДПОЛЬЯ

I

ПОДПОЛЬЕ

И авторъ записокъ и самыя «Записки» разумѣется вымыслены. Тѣмъ не менѣе такія лица какъ сочинитель такихъ записокъ не только могутъ, но даже должны существовать въ нашемъ обществѣ, взявъ въ соображеніе тѣ обстоятельства, при которыхъ вообще складывалось наше общество. Я хотѣлъ вывести передъ лицо публики, повиднѣе обыкновеннаго, одинъ изъ характеровъ протекшаго недавняго времени. Это — одинъ изъ представителей еще доживающаго поколѣнія. Въ этомъ первомъ отрывкѣ, озаглавленномъ: «Подполье», это лицо рекомендуетъ самого себя, свой взглядъ, и какъ-бы хочетъ выяснитъ тѣ причины, по которымъ оно явилось и должно было явиться въ нашей средѣ. Въ следующихъ отрывкахъ придутъ уже настоящія «записки» этого лица о нѣкоторыхъ событіяхъ его жизни. Такимъ образомъ этотъ первый отрывокъ должно считать какъ бы вступленіемъ къ цѣлой книгѣ, почти предисловіемъ.

I.

Я человекъ больной... Я злой человекъ. Непривлекательный я человекъ. Я думаю, что у меня болитъ печень. Впрочемъ я ни шиша не смыслю въ моей болѣзни и не знаю навѣрно что у меня болитъ. Я не лѣчусь и никогда не лѣчился, хотя медицину и докторовъ уважаю. Ктому-же я еще и суевѣренъ до крайности; ну, хоть настолько, чтобъ уважать медицину. (Я достаточно образованъ, чтобъ не быть суевѣрнымъ, но я суевѣренъ.) Нѣтъ-съ, я не хочу лѣчиться со злости. Вотъ вы этого навѣрно не изволите понимать. Ну-съ, а я понимаю. Я разумѣется не сумѣю вамъ объяснить кому именно я насолю въ этомъ случаѣ моей злостью; я отлично хорошо знаю, что и докторамъ я никакъ не смогу «нагадить» тѣмъ, что у нихъ не лѣчусь; я лучше всякаго знаю, что всѣмъ этимъ я единственно только себѣ поврежу и никому больше. Но

все-таки, если я не лѣчусь, такъ это со злости. Печонка болитъ, такъ вотъ пускай-же ее еще крѣпче болитъ!

Я ужь давно такъ живу, — лѣтъ двадцать. Теперь мнѣ сорокъ. Я прежде служилъ, а теперь не служу. Я былъ злой чиновникъ. Я былъ грубъ и находилъ въ этомъ удовольствіе. Вѣдь я взятокъ не бралъ, стало быть, долженъ же былъ себя хоть этимъ вознаградить. (Плохая острога; но я ее не вычеркну. Я ее написалъ, думая что выйдетъ очень остро; а теперь какъ увидѣлъ самъ, что хотѣлъ только гнусно пофорсить, — нарочно не вычеркну!) Когда къ столу, у котораго я сидѣлъ, подходили бывало просители за справками, — я зубами на нихъ скрежеталъ и чувствовалъ неутолимое наслажденіе, когда удавалось когонибудь огорчить. Почти всегда удавалось. Большею частію все былъ народъ робкой: извѣстно — просители. Но изъ фертовъ я особенно терпѣть не могъ одного офицера. Онъ никакъ нехотѣлъ покориться и омерзительно гремѣлъ саблей. У меня съ нимъ полтора года за эту саблю война была. Я наконецъ одолѣлъ. Онъ пересталъ гремѣть. Впрочемъ это случилось еще въ моей молодости. Но знаете-ли, господа, въ чемъ состоялъ главный пунктъ моей злости. Да въ томъ-то и состояла вся штука, въ томъ-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже въ минуты самой сильнѣйшей жолчи, постыдно сознавалъ въ себѣ, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человѣкъ, что я только воробьевъ пугаю напрасно и себя этимъ тѣшу. У меня пѣна у рта, а принесите мнѣ какуюнибудь куколку, дайте мнѣ чайку съ сахарцемъ, я пожалуй и успокоюсь. Даже душой умилюсь, хоть ужь навѣрно потомъ буду самъ на себя скрежетать зубами и отъ стыда нѣсколько мѣсяцевъ страдать безсонницей. Таковъ ужь мой обычай.

Это я навралъ про себя давеча, что я былъ злой чиновникъ. Со злости навралъ. Я просто баловствомъ занимался и съ просителями и съ офицеромъ, а въ сущности никогда не могъ сдѣлаться злымъ. Я поминутно сознавалъ въ себѣ много-премного самыхъ противоположныхъ тому элементовъ. Я чувствовалъ, что они такъ и кишатъ во мнѣ, эти противоположные элементы. Я зналъ, что они всю жизнь во мнѣ кишѣли и изъ меня вонъ наружу просились, но я ихъ не пускалъ, не пускалъ, нарочно не пускалъ наружу. Они мучили меня до стыда; до конвульсій меня доводили и — надоѣли мнѣ наконецъ, какъ — надоѣли! Ужь не кажется-ли вамъ, господа, что я теперь въ чемъ-то передъ вами раскаяваюсь, что я въ чемъ-то у васъ прощенья прошу?... Я увѣренъ, что вамъ это кажется... А впрочемъ увѣряю васъ, мнѣ все равно, если и кажется...

Я не только злымъ, но даже и ничѣмъ не сѣумѣлъ сдѣлаться: ни злымъ ни добрымъ, ни подлецомъ ни честнымъ, ни героемъ ни насѣкомымъ. Теперь-же доживаю въ своемъ углу, дразня себя злобнымъ и ни къ чему не служащимъ утѣшеніемъ, что умный человѣкъ и не можетъ серьезно чѣмъ-нибудь сдѣлаться, а дѣлается чѣмъ-нибудь только дуракъ. Да-съ, умный человѣкъ девятнадцатаго столѣтія долженъ и нравственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ; человѣкъ-же съ характеромъ, дѣятель, — существомъ по преимуществу ограниченнымъ. Это сорокалѣтнее мое убѣжденіе. Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, а вѣдь сорокъ лѣтъ — это вся жизнь; вѣдь это самая глубокая старость. Дальше сорока лѣтъ жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живетъ дольше сорока лѣтъ, — отвѣчайте искренно, честно? Я вамъ скажу кто живетъ: дураки и негодяи живутъ. Я всѣмъ старцамъ это въ глаза скажу, всѣмъ этимъ почтеннымъ старцамъ, всѣмъ этимъ сребровласымъ и благоухающимъ старцамъ! Всему свѣту въ глаза скажу! Я имѣю право такъ говорить, потому что самъ до шестидесяти лѣтъ доживу. До семидесяти лѣтъ проживу! До восьмидесяти лѣтъ проживу!.. Пойдите, дайте духъ перевести....

Навѣрно вы думаете, господа, что я васъ смѣшить хочу? Ошиблись и въ этомъ. Я вовсе не такой развеселый человѣкъ, какъ вамъ кажется, или какъ вамъ можетъ быть кажется; впрочемъ, если вы, раздраженные всей этой болтовней (а я уже чувствую, что вы раздражены), вздумаете спросить меня: кто жъ я таковъ именно? — то я вамъ отвѣчу: я одинъ коллежскій асесоръ. Я служилъ, чтобъ было чтонибудь ѣсть (но единственно для этого), и когда прошлаго года одинъ изъ отдаленныхъ моихъ родственниковъ оставилъ мнѣ шесть тысячъ рублей по духовному завѣщанію, я тотчасъ же вышелъ въ отставку и поселился у себя въ углу. Я и прежде жилъ въ этомъ углу, но теперь я поселился въ этомъ углу. Комната моя дрянная, скверная, на краю города. Служанка моя — деревенская баба, старая, злая отъ глупости, и отъ нея ктому-же всегда скверно пахнетъ. Мнѣ говорятъ, что климатъ петербургскій мнѣ становится вреденъ и что съ моими ничтожными средствами очень дорого въ Петербургѣ жить. Я все это знаю, лучше всѣхъ этихъ опытныхъ и премудрыхъ совѣтчиковъ и покивателей, знаю. Но я остаюсь въ Петербургѣ; я не выѣду изъ Петербурга! Я потому не выѣду... Эхъ! да вѣдь это совершенно все равно выѣду я иль не выѣду.

А впрочемъ: о чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ съ наибольшимъ удовольствіемъ?

Отвѣтъ: о себѣ.

Ну такъ и я буду говорить о себѣ.

II.

Мнѣ теперь хочется рассказать вамъ, господа, желается иль не желается вамъ это слышать, почему я даже и насѣкомымъ не съумѣлъ сдѣлаться? Скажу вамъ торжественно, что я много разъ хотѣлъ сдѣлаться насѣкомымъ. Но даже и этого не удостоился. Клянусь вамъ, господа, что слишкомъ сознавать, — это болѣзнь, настоящая полная болѣзнь. Для человѣческаго обихода слишкомъ было бы достаточно обыкновеннаго человѣческаго сознанія, то есть вполонину, вчетверть меньше той порціи, которая достается на долю развитаго человѣка нашего несчастнаго девятнадцатаго столѣтія и, сверхъ того, имѣющаго сугубое несчастье обитать въ Петербургѣ, самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ. (Города бываютъ умышленные и неумышленные). Совершенно было-бы довольно, на примѣръ, такого сознанія, которымъ живутъ всѣ такъ называемые непосредственные люди и дѣятели. Бьюсь объ закладъ вы думаете, что я пишу все это изъ форсу, чтобъ поострить на счетъ дѣятелей, да еще изъ форсу дурного тона, гремлю саблей какъ мой офицеръ. Но, господа, кто-же можетъ своими-же болѣзнями тщеславиться, да еще ими форсить?

Впрочемъ чтожъ я? — всѣ это длаютъ; болзнями-то и тщеславятся, а я пожалуй и больше всхъ. Не будемъ спорить; мое возраженіе нелпо. Но все таки я крѣпко убжденъ, что не только очень много сознанія, но даже и всякое сознаніе болѣзнь. Я стою на томъ. Оставимъ и это на минуту. Скажите мнѣ вотъ что: отчего такъ бывало, что какъ нарочно въ тѣ самыя, да, въ тѣ же самыя минуты, въ которыя я наиболее способенъ былъ сознавать всѣ тонкости «всего прекраснаго и высокаго», какъ говорили у насъ когда-то, мнѣ случалось уже не сознавать, а дѣлать такія неприглядныя дѣянья, такія, которыя... ну, да однимъ словомъ, которыя хоть и всѣ пожалуй дѣлаютъ, но которыя какъ нарочно приходились у меня именно тогда, когда я наиболее сознавалъ, что ихъ совсмъ бы не надо дѣлать? Чмъ больше я сознавалъ о добрѣ и о всемъ этомъ «прекрасномъ и высокомъ», тѣмъ глубже я и опускался въ мою тину и тѣмъ способнеѣ былъ совершенно завязнуть въ ней. Но главная черта была въ томъ, что все это какъ будто не случайно во мнѣ было, а какъ будто ему и слѣдовало такъ быть. Какъ будто это было мое самое нормальное состояніе, а отнюдь не болѣзнь и не порча, такъ что наконецъ у меня и охота прошла бороться съ этой порчей. Кончилось тѣмъ, что я чуть не повѣрилъ, (а можетъ и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ), что это пожалуй и есть нормальное мое состояніе. А сперва-то, вначалѣ-то сколько я муки вытерпѣлъ въ этой борьбѣ! Я не вѣрилъ, чтобъ такъ бывало съ другими и потому всю жизнь тайлъ это про себя какъ секретъ. Я стыдился, (даже

можетъ быть и теперъ стыжусь); до того доходилъ, что ощущалъ какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденьице возвращаться, бывало, въ иную гадчайшую петербургскую ночь къ себѣ въ уголь и усиленно сознавать, что вотъ и сегодня сдѣлалъ опять гадость, что сдѣланнаго опять-таки никакъ не воротишь и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконецъ въ какую-то позорную, проклятую сладость и наконецъ, — въ рѣшительное, серьезное наслажденье! Да, въ наслажденье, въ наслажденье! Я стою на томъ. Я потому и заговорилъ, что мнѣ все хочется навѣрно узнать: бывають-ли и у другихъ такія наслажденья? Я вамъ объясню: наслажденье было тутъ именно отъ слишкомъ яркаго сознанія своего униженія; оттого, что ужъ самъ чувствуешь, что до послѣдней стѣны дошолъ; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что ужъ нѣтъ тебѣ выхода, что ужъ никогда не сдѣлаешься другимъ человкомъ; что еслибъ даже и оставалось еще время и вѣра, чтобъ передѣлаться во что нибудь другое, то навѣрно самъ-бы не захотѣлъ передѣлываться; а захотѣлъ-бы, такъ и тутъ-бы ничего не сдѣлалъ, потомучто, на самомъ-то дѣлѣ, и передѣлываться-то можетъ быть не во-что. А главное, и конецъ концовъ, что все это происходитъ по нормальнымъ и основнымъ законамъ усиленнаго сознанія и по инерціи, прямо вытекающей изъ этихъ законовъ, а слѣдственно тутъ не только не передѣлаешься, да и просто ничего не подѣлаешь. Выходить напримръ, вслѣдствіе усиленнаго сознанія: правъ что подлецъ, какъ будто это подлецу утшеніе, коль онъ уже самъ ощущаетъ что онъ дѣйствительно подлецъ. Но довольно... Эхъ нагородилъ-то, а что объяснилъ?. Чмъ объясняется тутъ наслажденье? Но я объяснюсь! Я таки доведу до конца! я и перо затѣмъ въ руки взялъ...

Я, напримѣръ, ужасно самолюбивъ. Я мнителенъ и обидчивъ какъ горбунъ или карликъ, но право бывали со мною такія минуты, что еслибъ случилось, что мнѣ-бы дали пощечину, то можетъ-быть я былъ-бы даже и этому радъ. Говорю серьезно: навѣрно я-бы сумѣлъ отыскать и тутъ своего рода наслажденье, разумѣется наслажденье отчаянія, но въ отчаяніи-то и бывають самыя жгучія наслажденья, особенно когда ужъ очень сильно сознаешь безвыходность своего положенія. А тутъ при пощечинѣ-то — да тутъ такъ и придавить сознаніе о томъ въ какую мазь тебя растерли. Главное-же какъ ни раскидывай, а все таки выходитъ, что всегда я первый во всемъ виноватъ выхожу и, что всего обиднѣе, безъ вины виноватъ, и такъ сказать по законамъ природы. Потому во первыхъ виноватъ, что я умнѣе всѣхъ, которые меня окружають. (Я постоянно считалъ себя умнѣе всѣхъ, которые меня окружають и иногда, повѣрите-ли, даже этого совѣстился. По крайнѣй мѣрѣ я всю жизнь смотрѣлъ какъ-то въ сторону и никогда не могъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза). Потому наконецъ виноватъ, что еслибъ и было во

мнѣ великодушіе, то было бы только мнѣ-же муки больше отъ признанія всей его безполезности. Я вѣдь навѣрно ничего-бы не сьумѣлъ сдѣлать изъ моего великодушія: ни простить, потому что обидчикъ можетъ ударилъ меня по законамъ природы, а законовъ природы нельзя прощать; ни забыть, потому что хоть и законы природы, а все-таки обидно. Наконецъ, еслибъ даже я захотѣлъ быть вовсе не великодушнымъ, а напротивъ пожелалъ-бы отмстить обидчику, то я и отмстить ни въ чемъ никому-бы не могъ, потому что навѣрно не рѣшился бы что нибудь сдѣлать, еслибъ даже и могъ. Отчего не рѣшился-бы? Объ этомъ мнѣ хочется сказать два слова особо.

III.

Вѣдь у людей, умѣющихъ за себя отомстить и вообще за себя постоять, — какъ это напимѣрь дѣлается? Вѣдь ихъ, какъ обхватить, положимъ, чувство мести, такъ ужъ ничего больше во всемъ ихъ существѣ на это время и не останется кромѣ этого чувства. Такой господинъ такъ и претъ прямо къ цѣли, какъ взбѣсившійся быкъ, наклонивъ внизъ рога и только развѣ стѣна его останавливаетъ. (Кстати: передъ стѣной такіе господа, т. е. непосредственные люди и дѣятели, искренно пасуютъ. Для нихъ стѣна — не отводъ, какъ напимѣрь для насъ, людей думающихъ, а слѣдственно ничего не дѣлающихъ; не предлогъ воротиться съ дороги, предлогъ, въ который нашъ братъ обыкновенно и самъ не вѣритъ, но которому всегда очень радъ. Нѣтъ, они пасуютъ со всею искренностью. Стѣна имѣетъ для нихъ что-то успокоительное, нравственно-разрѣшающее и окончательное, пожалуй даже что-то мистическое... Но объ стѣнѣ послѣ.) Ну-съ, такого-то вотъ непосредственнаго человѣка я и считаю настоящимъ, нормальнымъ человѣкомъ, какимъ хотѣла его видѣть сама нѣжная мать — природа, любезно зарождая его на землѣ. Я такому человѣку до крайнѣй жолчи завидую. Онъ глупъ, я въ этомъ съ вами не спорю, но можетъ быть нормальный человѣкъ и долженъ быть глупъ, почему вы знаете? Можетъ быть это даже очень красиво. И я тѣмъ болѣе убѣжденъ въ этомъ такъ-сказать подозрѣніи, что если, напимѣрь, взять антитезъ нормальнаго человѣка, то есть человѣка усиленно-сознающаго, вышедшаго конечно не изъ лона природы, а изъ реторты (это уже почти мистицизмъ, господа, но я подозрѣваю и это) — то этотъ ретортный человѣкъ до того иногда пасуетъ передъ своимъ антитезомъ, что самъ себя, со всѣмъ своимъ усиленнымъ сознаниемъ, добросовѣстно считаетъ за мышъ, а не за человѣка. Пусть это и усиленно сознающая мышъ, но все-таки мышъ, а тутъ человѣкъ, а слѣдственно..., и прочее. И главное онъ самъ, самъ вѣдь считаетъ себя за

мышь; его объ этомъ никто не просить; а это важный пунктъ. Взглянемъ же теперь на эту мышь въ дѣйствиі. Положимъ, напримѣръ, она тоже обижена (а она почти всегда бываетъ обижена) и тоже желаетъ отомстить. Злости-то въ ней можетъ еще и больше накопится, чѣмъ въ l'homme de la nature et de la verite. Гадкое, низкое желаніе воздать обидчику тѣмъ же зломъ, можетъ еще и гаже скребется въ ней, чѣмъ въ l'homme de la nature et de la verite, потому что l'homme de la nature et de la verite, по своей врожденной глупости, считаетъ свое мщеніе просто за просто справедливостью; а мышь, вслѣдствіе усиленнаго сознанія, отрицаетъ тутъ справедливость. Доходитъ, наконецъ, до самаго дѣла, до самаго акта отмщенія. Несчастливая мышь, кромѣ одной первоначальной гадости, успѣла уже нагородить кругомъ себя, въ видѣ вопросовъ и сомнѣній, столько другихъ гадостей; къ одному вопросу подвела столько неразрѣшонныхъ вопросовъ, что поневолѣ кругомъ нея набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая изъ ея сомнѣній, волненій и наконецъ изъ плевковъ, сыплющихся на нее отъ непосредственныхъ дѣятелей, предстоящихъ торжественно кругомъ въ видѣ судей и диктаторовъ и хохочущихъ надъ нею во всю здоровую глотку. Разумѣется ей остается махнуть на все своей лапкой и съ улыбкой напускного презрѣнья, которому и сама она не вѣритъ, постыдно проскользнуть въ свою щелочку. Тамъ, въ своемъ мерзкомъ, вонючемъ подпольѣ, наша обиженная, прибитая и осмѣянная, мышь немедленно погружается въ холодную, ядовитую и, главное, вѣковѣчную злость. Сорокъ лѣтъ сряду будетъ припоминать до послѣднихъ, самыхъ постыдныхъ подробностей, свою обиду и при этомъ каждый разъ прибавлять отъ себя подробности еще постыднѣйшія, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазіей. Сама будетъ стыдиться своей фантазіи, но все-таки все припомнить, все переберетъ, навьдумаетъ на себя небывальщины подъ предлогомъ, что она то же могла случиться, и ничего не проститъ. Пожалуй и мстить начнетъ, но какъ нибудь урывками, мелочами, изъ-за печки, инкогнито, не вѣря ни своему праву мстить, ни успѣху своего мщенія и зная напередъ, что отъ всѣхъ своихъ попытокъ отомстить сама выстрадаетъ во сто разъ больше того кому мстить, а тотъ пожалуй и не почешется. На смертномъ одрѣ опять таки все припомнить, съ накопившимися за все время процентами и.... Но именно вотъ въ этомъ холодномъ, омерзительномъ полуотчаяніи полувѣрѣ; въ этомъ сознательномъ погребеніи самаго себя за-живо съ горя, въ подпольѣ на сорокъ лѣтъ; въ этой усиленно-сознанной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положенія; во всѣмъ этомъ ядѣ неудовлѣтворенныхъ желаній, вошедшихъ внутрь; во всей этой лихорадкѣ колебаній, принятыхъ на вѣки рѣшеній и черезъ минуту опять наступающихъ раскаяній — и заключается сокъ того

страннаго наслажденія, о которомъ я говорилъ. Оно до того тонкое, до того иногда неподдающееся сознанью, что чуть чуть ограниченные люди, или даже просто люди съ крѣпкими нервами, не поймутъ въ немъ ни единой черты. «Можетъ еще и тѣ не поймутъ, прибавите вы отъ себя осклабляясь, которые никогда не получали пощечинъ,» — и такимъ образомъ вѣжливо намекнете мнѣ, что я въ мою жизнь можетъ быть тоже испыталъ пощечину, а потому и говорю какъ знатокъ. Бьюсь объ закладъ, что вы это думаете. Но успокойтесь, господа, я не получалъ пощечинъ, хотя мнѣ совершенно все равно какъ бы вы объ этомъ ни думали. Я можетъ быть еще самъ-то жалѣю, что въ мою жизнь мало роздалъ пощечинъ. Но довольно, ни слова больше объ этой чрезвычайно для васъ интересной темѣ.

Продолжаю спокойно о людяхъ съ крѣпкими нервами, не понимающихъ извѣстной утонченности наслажденій. Эти господа, при иныхъ казусахъ на примѣръ, хотя и ревутъ какъ быки во все горло, хоть это, положимъ, и приноситъ имъ величайшую честь, но, какъ уже сказалъ я, передъ невозможностью они тотчасъ смиряются. Невозможность — значитъ каменная стѣна? Какая каменная стѣна? Ну разумѣется законы природы, выводы естественныхъ наукъ, математика. Ужь какъ докажутъ тебѣ на примѣръ, что отъ обезьяны произошлъ, такъ ужъ и нечего морщиться, принимай какъ есть. Ужь какъ докажутъ тебѣ, что въ сущности одна капелька твоего собственнаго жиру; тебѣ должна быть дороже ста тысячъ тебѣ подобныхъ и что въ этотъ результатъ разрѣшатся подконецъ всѣ такъ называемыя добродѣтели и обязанности и прочія бредни и предрасудки, такъ ужъ такъ и принимай, нечего дѣлать-то, потому дважды-два, — математика. Попробуйте возразить.

«Помилуйте, закричатъ вамъ, возставать нельзя: это дважды-два четыре! Природа васъ не спрашивается; ей дѣла нѣтъ до вашихъ желаній, и до того нравятся-ль вамъ ея законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее такъ какъ она есть, а слѣдственно и всѣ ея результаты. Стѣна значитъ и есть стѣна... и т. д. и т. д.» Господи, Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и арифметики, когда мнѣ почему-нибудь эти законы и дважды-два-четыре не нравятся? Разумѣется, я не пробую такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней, потому только, что у меня каменная стѣна и у меня силъ не хватило.

И какъ-будто такая каменная стѣна и вправду есть успокоеніе, и вправду заключаетъ въ себѣ хоть какое-нибудь слово на миръ, единственно только потому, что она дважды-два-четыре. О нелѣпость нелѣпостей! То-ли дѣло все понимать, все сознавать, всѣ невозможности и каменные стѣны; не примиряться ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзитъ примиряться; дойти путемъ самыхъ неизбѣжныхъ

логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной-то стѣнѣ какъ-будто чѣмъ-то самъ виновать, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе не виновать, и вслѣдствіе этого, молча и безсильно скрежеща зубами, сладострастно замерѣть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться выходитъ тебѣ не на кого; что предмета не находится, а можетъ быть и никогда не найдется, что тутъ подмѣнь, подтасовка, шулерство, что тутъ просто бурда, — неизвѣстно что и неизвѣстно кто, но несмотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки у васъ все-таки болитъ, и чѣмъ больше вамъ неизвѣстно, тѣмъ больше болитъ!

IV.

«Ха, ха, ха! да вы послѣ этого и въ зубной боли отыщете наслажденіе!» вскрикнете вы со смѣхомъ.

— А что жь? и въ зубной боли есть наслажденіе, отвѣчу я. У меня цѣлый мѣсяць болѣли зубы; я знаю, что есть. Тутъ, конечно не молча злятся, а стонуть; но это стоны не откровенные, это стоны съ ехидствомъ, а въ ехидствѣ-то и вся штука. Въ этихъ-то стонахъ и выражается наслажденіе страдающаго; не ощущаль-бы онъ въ нихъ наслажденія, — онъ-бы и стонать не сталъ. Это хорошій примѣръ, господа, и я его разовью. Въ этихъ стонахъ выражается вопервыхъ вся для нашего сознанія унижительная безцѣльность вашей боли; вся законность природы, на которую, вамъ, разумѣется, наплевать, но отъ которой вы все-таки страдаете, а она-то нѣтъ. Выражается сознаніе, что врага у васъ не находится, а что боль есть; сознаніе, что вы, со всевозможными Вагенгеймами, вполне въ рабствѣ у вашихъ зубовъ; что захочетъ кто-то и перестанутъ болѣть ваши зубы, а не захочетъ, такъ и еще три мѣсяца проболятъ; и что наконецъ, если вы все еще не согласны и все-таки протестуете, то вамъ остается для собственнаго утѣшенія, только самого себя высѣчь, или прибить побольнѣ кулакомъ вашу стѣну, а болѣе рѣшительно ничего. Ну-съ вотъ отъ этихъ-то кровавыхъ обидъ, вотъ отъ этихъ-то насмѣшекъ, неизвѣстно чьихъ и начинается наконецъ наслажденіе, доходящее иногда до высшаго сладострастія. Я васъ прошу, господа, прислушайтесь когда-нибудь къ стонамъ образованнаго человѣка девятнадцатаго столѣтія, страдающаго зубами, этакъ на второй, или на третій день болѣзни, когда онъ начинаетъ уже не такъ стонать, какъ въ первый день стоналъ, то есть не просто оттого что зубы болятъ; не такъ какъ какой-нибудь грубый мужикъ, а такъ какъ человѣкъ тронутый развитіемъ и европейской цивилизаціей стонетъ, какъ человѣкъ «отрѣшившійся отъ

почвы и отъ народныхъ началъ», какъ теперь выражаются. Стоны его становятся какіе-то скверные, пакостно-злые и продолжаются по цѣлымъ днямъ и ночамъ. И вѣдь знаетъ самъ, что никакой себѣ пользы не принесетъ своими стопами; лучше всѣхъ знаетъ, что онъ только напрасно себя и другихъ надрываетъ и раздражаетъ; знаетъ, что даже и публика, передъ которой онъ старается, и все семейство его уже прислушались къ нему съ омерзѣніемъ, не вѣрятъ ему ни на грошъ, и понимаютъ про себя, что онъ могъ бы иначе, проще стонать, безъ руладъ и безъ вывертовъ, а что онъ только такъ со злости, съ ехидства балуется. Ну такъ вотъ въ этихъ-то всѣхъ сознаніяхъ и позорахъ и заключается сладострастіе. «Дескать я васъ беспокою, сердце вамъ надрываю, всѣмъ въ домѣ спать не даю. Такъ вотъ не спите же, чувствуйте-же и вы каждую минуту, что у меня зубы болятъ. Я для васъ ужъ теперь не герой, какимъ прежде хотѣлъ казаться, а просто гаденькой человѣкъ, шенапанъ. Ну такъ пусть же! Я очень радъ, что вы меня раскусили. Вамъ скверно слушать мои подленькіе стоны? Ну такъ пусть скверно; вотъ я вамъ сейчасъ еще сквернѣй руладу сдѣлаю...» Не понимаете и теперь, господа? Нѣтъ, видно надо глубоко доразвиться и досознаться, чтобъ понять всѣ изгибы этого сладострастія! Вы смѣетесь? Очень радъ-съ. Мои шутки, господа, конечно дурного тона, неровны, сбивчивы, съ самонедовѣрчивостью. Но вѣдь это оттого, что я самъ себя не уважаю. Развѣ сознающій человѣкъ можетъ сколько-нибудь себя уважать?

V.

Ну развѣ можно, развѣ можно хоть сколько-нибудь уважать себя человѣку, который даже въ самомъ чувствѣ собственнаго униженія, посягнулъ отыскать наслажденіе? Я не отъ приторнаго какого-нибудь раскаянья такъ теперь говорю. Да и вообще терпѣть я не могъ говорить: «Простите, папаша, впередъ не буду», — не потому, чтобъ я не способенъ былъ это сказать, а, напротивъ, можетъ быть именно потому, что ужъ слишкомъ способенъ на это бывалъ, да еще какъ? Какъ нарочно и влопаюсь бывало въ такомъ случаѣ, когда самъ ни сномъ, ни духомъ не виноватъ. Это уже было всего гаже. При этомъ я опять-таки душою умилялся, раскаявался, слезы проливалъ и конечно самого себя надувалъ, хоть и вовсе не притворялся. Сердце ужъ тутъ какъ-то гадило... Тутъ ужъ даже и законовъ природы нельзя было обвинить, хотя все-таки законы природы постоянно и болѣе всего всю жизнь меня обижали. Гадко это все вспоминать, да и тогда гадко было. Вѣдь черезъ минуту какую-нибудь, я уже съ злобою соображаю бывало, что все это ложь, ложь, отвратительная напускная ложь, то есть всѣ

эти раскаянія, всѣ эти умиленія, всѣ эти обѣты возрожденія. А спросите, для чего я такъ самъ себя коверкалъ и мучилъ? Отвѣтъ: затѣмъ, что скучно ужъ очень было сложа руки сидѣть; вотъ и пускался на выверты. Право такъ. Замѣчайте получше сами за собой, господа, тогда и поймете, что это такъ. Самъ себѣ приключенія выдумывалъ и жизнь сочинялъ, чтобъ хоть какъ нибудь да пожить. Сколько разъ мнѣ случалось — ну хоть наприимѣръ обижаться, такъ, не изъ за чего, нарочно; и вѣдь самъ знаешь бывало, что не изъ за чего обидѣлся, напустилъ на себя, но до того себя доведешь, что подъ-конецъ право и въ самомъ дѣлѣ обидишься. Меня какъ-то всю жизнь тянуло такія штуки выкидывать, такъ что ужъ я сталъ подъ-конецъ и въ себѣ невластенъ. Другой разъ влюбиться насильно захотѣлъ, даже два раза. Страдалъ вѣдь, господа, увѣряю васъ. Въ глубинѣ-то души не вѣрится, что страдаешь, насмѣшка шевелится, а все-таки страдаю, да еще настоящимъ, заправскимъ образомъ; ревную, изъ себя выхожу... И все отъ скуки, господа, все отъ скуки; инерція задавила. Вѣдь прямой, законный, непосредственный плодъ сознанія — это инерція, т. е. сознательное сложа-руки-сидѣнье. Я ужъ объ этомъ упоминалъ выше. Повторяю, усиленно повторяю: всѣ непосредственные люди и дѣятели потому и дѣятельны, что они тупы и ограниченны. Какъ это объяснить? А вотъ какъ: они, вслѣдствіе своей ограниченности, ближайшія и второстепенныя причины за первоначальныя принимаютъ, такимъ образомъ скорѣе и легче другихъ убѣждаются, что непреложное основаніе своему дѣлу нашли, ну и успокоиваются; а вѣдь это главное. Вѣдь чтобъ начать дѣйствовать нужно быть совершенно успокоеннымъ предварительно, и чтобъ сомнѣній ужъ никакихъ не оставалось. Ну а какъ я наприимѣръ себя успокою? гдѣ у меня первоначальныя причины, на которыя я упрусь, гдѣ основанія? Откуда я ихъ возьму? Я упражняюсь въ мышленіи, а слѣдственно у меня всякая первоначальная причина тотчасъ-же тащитъ за собою другую еще первоначальнѣе и такъ далѣе въ безконечность. Такова именно сущность всякаго сознанія и мышленія. Это уже опять стало-быть законы природы. Что-же наконецъ въ результатѣ? Да тоже самое. Вспомните: давеча вотъ я говорилъ о мщеніи. (Вы вѣрно не вникли). Сказано: человекъ мститъ, потомучто находить въ этомъ справедливость. Значитъ онъ первоначальную причину нашолъ, основаніе нашолъ а именно: справедливость. Стало-быть онъ со всѣхъ сторонъ успокоенъ, а слѣдственно и отмщааетъ спокойно и успѣшно, будучи убѣжденъ, что дѣлаетъ честное и справедливое дѣло. А вѣдь я справедливости тутъ не вижу, добродѣтели тоже никакой не нахожу, а слѣдственно если стану мстить, то развѣ только изъ злости. Злость конечно могла-бы все пересилить, всѣ мои сомнѣнія, и стало-быть могла-бы совершенно успѣшно послужить вмѣсто первоначальной причины, именно

потому что она не причина. Но что же дѣлать если у меня и злости нѣтъ (я давеча вѣдь съ этого и началъ). Злоба у меня опять-таки вслѣдствіе этихъ проклятыхъ законовъ сознанія химическому разложенію подвергается. Смотришь, — предметъ улетучивается, резоны испаряются, виновникъ не отыскивается, обида становится не обидой, а фатумомъ, чѣмъ-то въ родѣ зубной боли, въ которой никто не виноватъ, а слѣдовательно остается опять-таки тотъ же самый — выходъ т. е. стѣну побольнѣе прибить. Ну и рукой махнешь, потомучто не нашолъ первоначальной причины. А попробуй, увлекись своимъ чувствомъ слѣпо, безъ разсужденій, безъ первоначальной причины, отгоняя сознаніе хоть на это время; возненавидь или полюби, чтобъ только не сидѣть сложа руки. Послѣ-завтра, это ужь самый поздній срокъ, самого себя презирать начнешь, за то что самого себя за-знамо надулъ. Въ результатѣ: мыльный пузырь и инерція. О, господа, вѣдь я можетъ потому только и считаю себя за умнаго человѣка, что всю жизнь ничего не могъ ни начать, ни окончить. Пусть, пусть я болтунъ, безвредный, досадный болтунъ, какъ и всѣ мы. Но что-же дѣлать, если прямое и единственное назначеніе всякаго умнаго человѣка есть болтовня т. е. умышленное пересыпанье изъ пустого въ порожнее.

VI.

О, еслибъ я ничего не дѣлалъ только изъ лѣни. Господи, какъ-бы я тогда себя уважалъ. Уважалъ-бы именно потому, что хоть лѣнь я въ состояніи имѣть въ себѣ; хоть одно свойство было-бы во мнѣ какъ будто и положительное, въ которомъ я-бы и самъ былъ увѣренъ. Вопросъ: кто такой? Отвѣтъ: лѣнтяй; да вѣдь это препрiятно было-бы слышать о себѣ. Значить положительно опредѣленъ, значить есть что сказать обо мнѣ. «Лѣнтяй!» да — вѣдь это званье и назначеніе, это карьера-сь. Не шутите, — это такъ. Я тогда членъ самого первѣйшаго клуба по праву, и занимаюсь только тѣмъ, что непрерывно себя уважаю. Я зналъ господина, который всю жизнь гордился тѣмъ, что зналъ толкъ въ лафитѣ. Онъ считалъ это за положительное свое достоинство и никогда не сомнѣвался въ себѣ. Онъ умеръ не то что съ покойной, а съ торжествующей совѣстью, и былъ совершенно правъ. А я-бы себѣ тогда выбралъ карьеру: я былъ-бы лѣнтяй и обжора, но не простой, а на примѣръ сочувствующій всему прекрасному и высокому. Какъ вамъ это нравится? мнѣ это давно мерещилось. Это «прекрасное и высокое» сильно-таки надавило мнѣ затылокъ въ мои сорокъ лѣтъ; но это въ мои сорокъ лѣтъ, а тогда — о, тогда было-бы иначе! Я бы тотчасъ-же отыскалъ себѣ и соотвѣтствующую дѣятельность, — а именно:

пить за здоровье всего прекраснаго и высокаго. Я бы придирался ко всякому случаю, чтобъ сначала пролить въ свой бокаль слезу, а потомъ выпить его за все прекрасное и высокое. Я бы все на свѣтѣ обратилъ тогда въ прекрасное и высокое; въ гадчайшей, безспорной дряни отыскалъ бы прекрасное и высокое. Я сдѣлался бы слезоточивъ какъ мокрая губка. Художникъ, напимѣръ, написалъ картину Ге. Тотчасъ-же пью за здоровье художника, написавшаго картину Ге, потому что люблю все прекрасное и высокое. Авторъ написалъ «какъ кому угодно»; тотчасъ-же пью за здоровье «кого угодно», потому что люблю все «прекрасное и высокое». — Уваженія къ себѣ за это потребую, преслѣдовать буду того, кто не будетъ мнѣ оказывать уваженія. Живу спокойно, умираю торжественно, — да вѣдь это прелесть, цѣлая прелесть! И такое себѣ отростилъ-бы я тогда брюхо, такой тройной подбородокъ соорудилъ, такой-бы сандаальный носъ себѣ выработалъ, что всякой встрѣчный сказалъ-бы, смотря на меня: «вотъ такъ плюсь! вотъ такъ ужъ настоящее положительное!» А вѣдь какъ хотите, такіе отзывы препрiятно слышать въ нашъ отрицательный вѣкъ, господа.

VII.

Но все это золотыя мечты. О, скажите, кто это первый объявилъ, кто первый провозгласилъ, что человѣкъ потому только дѣлаетъ пакости, что не знаетъ настоящихъ своихъ интересовъ; а что еслибъ его просвѣтитъ, открыть ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы, то человѣкъ тотчасъ-же пересталъ-бы дѣлать пакости, тотчасъ-же сталъ-бы добрымъ и благороднымъ, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно увидѣлъ-бы въ добрѣ собственную свою выгоду, а извѣстно, что ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣйствовать зазнамо противъ собственныхъ своихъ выгодъ, слѣдственно такъ-сказать по необходимости сталъ-бы дѣлать добро? О младенецъ! о чистое, невинное дитя! да когда-же, во первыхъ, бывало, во всѣ эти тысячелѣтія, чтобъ человѣкъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной выгоды? Что-же дѣлать съ миллионами фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ люди, *зазнамо*, т. е. вполне понимая свои настоящія выгоды, отставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось, никѣмъ и ничѣмъ непринуждаемые къ тому, а какъ будто именно только не желая указанной дороги, и упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, нелѣпую, отыскивая ее чуть не въ потемкахъ. Вѣдь значить имъ дѣйствительно это упрямство и своеволие было прiятнѣе всякой выгоды... Выгода! что такое выгода? Да и берете-ли вы на себя совершенно точно опредѣлить въ чемъ

именно человѣческая выгода состоятъ? А что если такъ случится, что человѣческая выгода, *иной разъ*, не только можетъ, но даже и должна именно въ томъ состоятъ, чтобъ въ иномъ случаѣ себѣ худого пожелать, а не выгоднаго? А если такъ, если только можетъ быть этотъ случай, то все правило прахомъ пошло. Какъ вы думаете бываетъ-ли такой случай? Вы смѣтаетесь; смѣйтесь, господа, но только отвѣчайте: совершенно-ли вѣрно сосчитаны выгоды человѣческія? Нѣтъ-ли такихъ, которыя не только не уложились, но и не могутъ уложиться ни въ какую класификацію? Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реестръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формуль. Вѣдь ваши выгоды, это — благоденствіе, богатство, свобода, покой, ну и такъ далѣе, и такъ далѣе; такъ что человѣкъ, который бы напимѣръ явно и зазнамо пошолъ противъ всего этого реестра, былъ-бы по вашему, ну да и конечно по моему, обскурантъ или совсѣмъ сумасшедшій, такъ-ли? Но вѣдь вотъ что удивительно: отчего это такъ происходитъ, что всѣ эти статистики, мудрецы и любители рода человѣческаго, при исчисленіи человѣческихъ выгодъ, постоянно одну выгоду пропускаютъ? Даже и въ расчетъ ее не берутъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее слѣдуетъ брать, а отъ этого и весь расчетъ зависитъ. Бѣда-бы не велика, взять бы ее, эту выгоду, да и занести въ списокъ. Но въ томъ-то и пагуба, что эта мудреная выгода ни въ какую класификацію не попадаетъ, ни въ одинъ списокъ не умѣщается. У меня, напимѣръ, есть пріятель... Эхъ, господа! да вѣдь и вамъ онъ пріятель; да и кому, кому онъ не пріятель! Приготовляясь къ дѣлу, этотъ господинъ тотчасъ-же изложитъ вамъ, велерѣчиво и ясно, какъ именно надо ему поступить по законамъ разсудка и истины. Мало того: съ волненіемъ и страстью будетъ говорить вамъ о настоящихъ, нормальныхъ человѣческихъ интересахъ; съ насмѣшкой укоритъ близорукихъ глупцовъ, не понимающихъ ни своихъ выгодъ, ни настоящаго значенія добродѣтели и, — ровно черезъ четверть часа, безъ всякаго внезапнаго, посторонняго повода, а именно почему-то такому внутреннему что сильнѣе всѣхъ его интересовъ, — выкинетъ совершенно другое колѣно, т. е. явно пойдетъ противъ того, объ чемъ самъ говорилъ: и противъ законовъ разсудка, и противъ собственной выгоды, ну однимъ словомъ, противъ всего... Предупрежду, что мой пріятель — лицо собирательное и потому только его одного винить — какъ-то трудно. То-то и есть, господа, не существуетъ-ли и въ самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что почти всякому человѣку дороже самыхъ лучшихъ его выгодъ или, (чтобъ ужъ логики не нарушать) — есть одна такая самая выгодная выгода (именно пропускаемая-то, вотъ объ которой сейчасъ говорили), которая главнѣе и выгоднѣе всѣхъ другихъ выгодъ, и для которой человѣкъ, если понадобится,

готовъ противъ всѣхъ законовъ пойти, т. е. противъ разсудка, чести, покоя, благоденствія, — однимъ словомъ противъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ и полезныхъ вещей, лишь-бы только достигнуть этой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего.

— Ну такъ все-таки выгоды-же — перебиваете вы меня. Позвольте-сь, мы еще объяснимся, да и не въ каламбурѣ дѣло, а въ томъ, что эта выгода именно тѣмъ и замѣчательна, что всѣ наши класификаціи разрушаетъ и всѣ системы, составленныя любителями рода человѣческаго для счастья рода человѣческаго, постоянно разбиваетъ. Однимъ словомъ всему мѣшаетъ. Но прежде чѣмъ я вамъ назову эту выгоду, я хочу себя компрометировать лично и потому дерзко объявляю, что всѣ эти прекрасныя системы, всѣ эти теоріи разъясненія человѣчеству настоящихъ, нормальныхъ его интересовъ съ тѣмъ, чтобъ оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало-бы тотчасъ-же добрымъ и благороднымъ, — покаместъ по моему мнѣнью, одна логистика! Да-сь, логистика! Вѣдь утверждать хоть эту теорію обновленія всего рода человѣческаго посредствомъ системы его собственныхъ выгодъ, вѣдь это, по моему, почти тоже... ну хоть утверждать, напримѣръ, вслѣдъ за Боклемъ, что отъ цивилизаціи человѣкъ смягчается, слѣдственно становится менѣе кровожаденъ и менѣе способенъ къ войнѣ. По логикѣ-то кажется у него и такъ выходить. Но до того человѣкъ пристрастенъ къ системѣ и къ отвлеченному выводу, что готовъ умышленно исказить правду, готовъ видомъ невидать и слыхомъ не слыхать, только чтобъ оправдать свою логику. Потому и беру этотъ примѣръ, что это слишкомъ яркой примѣръ. Да оглянитесь кругомъ: кровь рѣкою льется, да еще развеселымъ такимъ образомъ, точно шампанское. Вотъ вамъ все наше девятнадцатое столѣтіе, въ которомъ жилъ и Бокль. Вотъ вамъ Наполеонъ — и великій и теперешній. Вотъ вамъ Сѣверная Америка — вѣковѣчный союзъ. Вотъ вамъ наконецъ карикатурный Шлезвигъ — Гольштейнъ... И что такое смягчаетъ въ насъ цивилизація? Цивилизація вырабатываетъ въ человѣкѣ только многосторонность ощущеній и... рѣшительно ничего больше. А черезъ развитіе этой многосторонности человѣкъ еще пожалуй дойдетъ до того, что отыщеть въ крови наслажденіе. Вѣдь это ужъ и случилось съ нимъ. Замѣчали ли вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которымъ всѣ эти разные Атиллы, да Стеньки Разины иной разъ въ подметки не годились, и если они не такъ ярко бросаются въ глаза какъ Атилла и Стенька Разинъ, такъ это именно потому, что они слишкомъ часто встрѣчаются, слишкомъ обыкновенны, примелькались. По-крайней мѣрѣ отъ цивилизаціи человѣкъ сталъ если не болѣе кровожаденъ, то ужъ навѣрно хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ прежде. Прежде онъ видѣлъ въ кровопрлитіи справедливость и съ покойною

совѣстью истреблялъ кого слѣдовало; теперь же мы хоть и считаемъ кровопролитіе гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще больше чѣмъ прежде. Что хуже? — сами рѣшите. Говорятъ Клеопатра (извините за примѣръ изъ римской исторіи) любила втыкать золотыя булавки въ груди своихъ невольницъ и находила наслажденіе въ ихъ крикахъ и корчахъ. Вы скажете, что это было во времена, говоря относительно, варварскія; что и теперь времена варварскія, потому что (тоже говоря относительно) и теперь булавки втыкаются; что и теперь человѣкъ хоть и научился иногда видѣть яснѣе, чѣмъ во времена варварскія, но еще далеко не *приучился* поступать такъ какъ ему разумъ и науки указываютъ. Но все-таки вы совершенно увѣрены, что онъ непременно *приучится*, когда совсѣмъ пройдутъ кой-какія старыя, дурныя привычки, и когда здравый смыслъ и наука вполнѣ перевоспитаютъ и нормально направятъ натуру человѣческую. Вы увѣрены, что тогда человѣкъ и самъ перестанетъ *добровольно* ошибаться и такъ сказать поневолѣ не захочетъ рознить свою волю съ нормальными своими интересами. Мало того: тогда, говорите вы, сама наука научитъ человѣка, (хоть это ужъ и роскошь по моему) что ни воли, ни каприза на самомъ-то дѣлѣ у него и нѣтъ, да и никогда не бывало, а что онъ самъ не болѣе какъ нѣчто въ родѣ фортепіанной клавиши или органаго штифтика; и что сверхъ того — на свѣтѣ есть еще законы природы; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается вовсе не по его хотѣнью, а само собою, по законамъ природы. Слѣдственно эти законы природы стоитъ только открыть, и ужъ за поступки свои человѣкъ отвѣчать не будетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко. Всѣ поступки человѣческіе, само собою, будутъ расчислены тогда по этимъ законамъ, математически, въ родѣ таблицы логарифмовъ, до 108,000 и занесены въ календарь; или, еще лучше того, появятся нѣкоторыя благонамѣренныя изданія, въ родѣ теперешнихъ энциклопедическихъ лексиконовъ, въ которыхъ все будетъ такъ точно исчислено и обозначено, что на свѣтѣ уже не будетъ болѣе ни поступковъ, ни приключеній.

Тогда-то, — это все вы говорите — настанутъ новыя экономическія отношенія, совсѣмъ ужъ готовые и тоже вычисленные съ математическою точностію, такъ что въ одинъ мигъ исчезнутъ всевозможные вопросы, собственно потому что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворець. Тогда... Ну, однимъ словомъ, тогда прилетитъ птица Каганъ. Конечно, никакъ нельзя гарантировать, (это ужъ я теперь говорю) что тогда не будетъ на примѣръ ужасно скучно; (потому что что-жъ и дѣлать-то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ) за то все будетъ чрезвычайно благоразумно. Конечно, отъ скуки чего не выдумаешь! Въдъ и золотыя булавки отъ скуки втыкаются, но это бы все ничего. Скверно то (это опять таки я говорю), что чего добраго, пожалуй и золотымъ

булавкамъ тогда обрадуются. Вѣдь глупъ человѣкъ, глупъ феноменально. То есть онъ хоть и вовсе не глупъ, но ужъ за то неблагодаренъ такъ, что поискать другого, такъ не найти. Вѣдь я напримѣръ нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльмень, съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливою фізіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнутъ-ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логарифмы отправились къ чорту, и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это-бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непременно послѣдователей найдеть: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, объ которой бы кажется и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ, всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть-же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* (это ужъ моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный хотя бы самый дикой капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хоть-бы даже до сумасшествія, — вотъ это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую класификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непременно вообразили они, что человѣку надо непременно благоразумно-выгоднаго хотѣнья? Человѣку надо — одного только *самостоятельнаго хотѣнья*, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему-бы ни привела. Ну и хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ.....

VIII.

«Ха, ха, ха! да вѣдь хотѣнья-то, въ сущности, если хотите и нѣтъ!» прерываете вы съ хохотомъ. — «Наука даже о сию пору дотога успѣла разанатомировать человѣка, что ужъ и теперь намъ извѣстно, что хотѣнье и такъ называемая свободная воля есть ничто иное какъ....»

— Пойдите, господа, я и самъ такъ начать хотѣлъ. Я признаюсь даже испугался. Я только что хотѣлъ было прокричать, что хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ отчего зависитъ и что это пожалуй и слава Богу, да вспомнилъ про науку-то и... осѣлся. А вы тутъ и заговорили. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, ну если и вправду найдутъ когда-нибудь формулу всѣхъ нашихъ хотѣній и капризовъ, т. е. отъ чего они зависятъ, по какимъ именно законамъ происходятъ, какъ

именно распространяются, куда стремятся въ такомъ-то и въ такомъ-то случаѣ и проч. и проч. т. е. настоящую, математическую формулу, — такъ вѣдь тогда человѣкъ тотчасъ-же пожалуй и перестанетъ хотѣть, да еще пожалуй и навѣрно перестанетъ. Ну что за охота хотѣть по табличкѣ? Мало того: тотчасъ-же обратится онъ изъ человѣка въ органичный штифтикъ, или въ родъ того; потому, что-же такое человѣкъ безъ желаній, безъ воли и безъ хотѣній какъ не штифтикъ въ органичномъ валѣ? Какъ вы думаете? сосчитаемъ вѣроятности, — можетъ это случиться или нѣтъ?

— Гм... рѣшаете вы, наши хотѣнья большею частію бываютъ ошибочны отъ ошибочнаго взгляда на наши выгоды. Мы потому и хотимъ иногда чистаго вздору, что въ этомъ вздорѣ видимъ, по глупости нашей, легчайшую дорогу къ достиженію какойнибудь заранѣ предположенной выгоды. Ну, а когда все это будетъ растолковано, расчислено на бумажкѣ (что очень возможно, потому что гнусно-же и бессмысленно заранѣ вѣрить, что иныхъ законовъ природы человѣкъ никогда не узнаетъ) — то тогда, разумѣется, не будетъ такъ называемыхъ желаній. Вѣдь если хотѣнье стукнется когда-нибудь совершенно съ разсудкомъ, такъ вѣдь ужъ мы будемъ тогда разсуждать, а не хотѣть, собственно потому, что вѣдь нельзя-же, на примѣръ, сохраняя разсудокъ, *хотѣть* бессмыслицы, и такимъ образомъ зазнамо идти противъ разсудка и желать себѣ вреднаго.... А такъ-какъ всѣ хотѣнья и разсужденія могутъ быть дѣйствительно вычислены, потому что когда-нибудь откроютъ-же законы такъ называемой нашей свободной воли, то стало-быть и кромѣ шутокъ можетъ устроиться чтонибудь въ родѣ таблички, такъ что мы и дѣйствительно хотѣть будемъ по этой табличкѣ. Вѣдь если мнѣ, на примѣръ, когданибудь расчислятъ и докажутъ, что если я показалъ такому-то кукишъ, такъ именно потому, что не могъ не показать и что непременно такимъ-то пальцемъ долженъ былъ его показать, такъ что-же тогда во мнѣ *свободнаго-то* останется, особенно если я ученый и гдѣ-нибудь курсъ наукъ кончилъ? Вѣдь я тогда впередъ всю мою жизнь на тридцать лѣтъ расчитать могу; однимъ словомъ, если и устроится это, такъ вѣдь намъ ужъ нечего будетъ дѣлать; все равно надо будетъ принять. Да и вообще мы должны не уставая повторять себѣ, что непременно въ такую-то минуту и въ такихъ-то обстоятельствахъ, природа насъ не спрашивается; что нужно принимать ее такъ какъ она есть, а не такъ какъ мы фантазируемъ, и если мы дѣйствительно стремимся къ табличкѣ и къ календарю, ну, и... ну хоть бы даже и къ ретортѣ, то что же дѣлать, надо принять и реторту! не то она сама, безъ васъ примется....

— Да-съ, но вотъ тутъ-то для меня и запятая! Господа, вы меня извините, что я зафилософствовался; тутъ сорокъ лѣтъ подполья! позвольте пофантазировать. Видители-съ: разсудокъ, господа, есть вещь хорошая, это безспорно, но разсудокъ есть только разсудокъ и удовлетворяетъ только

разсудочной способности человека, а хотѣнье есть проявленіе всей жизни, т. е. всей человеческой жизни, и съ разсудкомъ и со всѣми почесываніями. И хоть жизнь наша, въ этомъ проявленіи выходитъ зачастую дрянцо, но все таки жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня. Вѣдь я, напримѣръ, совершенно естественно хочу жить для того, чтобъ удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтобъ удовлетворить одной только моей разсудочной способности, т. е. какой нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить. Что знаетъ разсудокъ? Разсудокъ знаетъ только то, что успѣлъ узнать, (иного, пожалуй, и никогда не узнаетъ; это хоть и не утѣшеніе, но отчего же этого и не высказать?), а натура человеческая дѣйствуетъ вся цѣликомъ, всѣмъ, что въ ней есть, сознательно и безсознательно, и хоть вретъ да живетъ. Я подозрѣваю, господа, что вы смотрите на меня съ сожалѣніемъ; вы повторяете мнѣ, что не можетъ просвѣщенный и развитой человекъ, однимъ словомъ такой, какимъ будетъ будущій человекъ, зазнамо захотѣть чего-нибудь для себя невыгоднаго, что это математика. Совершенно согласенъ, дѣйствительно математика. Но повторяю вамъ въ сотый разъ, есть одинъ только случай, только одинъ, когда человекъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣйшаго, а именно: чтобъ *имѣть право* пожелать себѣ даже и глупѣйшаго и не быть связаннымъ обязанностью желать себѣ одного только умнаго. Вѣдь это глупѣйшее, вѣдь это свой капризь, и въ самомъ дѣлѣ, господа, можетъ быть всего выгоднѣе для нашего брата изъ всего что есть на землѣ, особенно въ иныхъ случаяхъ. А въ частности можетъ быть выгоднѣе всѣхъ выгодъ даже и въ такомъ случаѣ, если приносить намъ явный вредъ и противурѣчить самымъ здравымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ, — потомучто во всякомъ случаѣ сохраняетъ намъ самое главное и самое дорогое, т. е. нашу личность и нашу индивидуальность. Иные-вотъ утверждаютъ, что это и въ самомъ дѣлѣ всего для человека дороже; хотѣнье конечно можетъ, если хочеть, и сходиться съ разсудкомъ, особенно если не злоупотреблять этимъ, а пользоваться умѣренно; это и полезно и даже иногда похвально. Но хотѣнье очень часто и даже большею частію совершенно и упрямо разногласить съ разсудкомъ и... и... и знаете-ли, что и это полезно и даже иногда очень похвально? Господа, положимъ что человекъ не глупъ. (Дѣйствительно вѣдь никакъ нельзя этого сказать про него, хоть-бы потому одному, что если ужъ онъ будетъ глупъ, такъ вѣдь кто же тогда будетъ уменъ?) Но если и не глупъ, то все-таки, — чудовищно неблагодаренъ! Неблагодаренъ феноменально. Я даже думаю, что самое лучшее опредѣленіе человека, это: существо на двухъ ногахъ и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостатокъ его; главнѣйшій недостатокъ его — это постоянное неблагоуравіе, постоянное,

начиная со всемірнаго потопа до Шлезвигъ-гольштейнскаго періода судебъ человѣческихъ. Неблагодѣе, а слѣдственно и неблагоразуміе; ибо давно извѣстно, что неблагоразуміе не иначе происходитъ какъ отъ неблагодѣе. Попробуйте-же, бросьте взглядъ на исторію человѣчества; ну, что вы увидите? Величественно? Пожалуй хоть и величественно; ужь одинъ Колоссъ Родосскій, на примѣръ, чего стоитъ! Не даромъ же г. Анаевскій свидѣтельствуесть о немъ, что одни говорятъ будто онъ есть произведеніе рукъ человѣческихъ; другіе же утверждаютъ, что онъ созданъ самою природою. — Пестро? пожалуй хоть и пестро; разобрать только во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ одни парадные мундиры на военныхъ и статскихъ, — ужь одно это чего стоитъ, а съ виц-мундирами и совсѣмъ можно ногу сломать; ни одинъ историкъ не устоитъ. Однообразно? Ну пожалуй и однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся и прежде дрались и послѣ дрались, — согласитесь, что это даже ужь слишкомъ однообразно. Однимъ словомъ все можно сказать о всемірной исторіи, все что только самому разстроенному воображенію въ голову можетъ прійти. Одного только нельзя сказать, — что благоразумно. На первомъ словѣ поперхнетесь. И даже вотъ какая тутъ штука поминутно встрѣчается: постоянно вѣдь являются въ жизни такіе благодѣе и благоразумные люди, такіе мудрецы и любители рода человѣческаго, которые именно задаютъ себѣ цѣлью всю жизнь вести себя какъ можно благодѣе и благоразумнѣе, такъ сказать свѣтить собою ближнимъ, собственно для того, чтобъ доказать имъ, что дѣйствительно можно на свѣтѣ прожить и благодѣе и благоразумно. И чтожь? Извѣстно, многіе изъ этихъ любителей рано-ли, поздно-ли, подъ конецъ жизни измѣняли себѣ, произведя какой нибудь анекдотъ, иногда даже изъ самыхъ неприличнѣйшихъ. Теперь васъ спрошу: чего-же можно ожидать отъ человѣка, какъ отъ существа, одареннаго такими странными качествами? Да осыпьте его всѣми земными благами, утопите въ счастье совсѣмъ съ головою, такъ чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, какъ на водѣ; дайте ему такое экономическое довольство, чтобъ ему совсѣмъ ужь ничего больше не оставалось дѣлать кромѣ какъ спать, кушать пряники и хлопотать о непрекращеніи всемірной исторіи, — такъ онъ вамъ и тутъ человѣкъ-то, и тутъ, изъ одной неблагодарности, изъ одного пашквиля мерзость сдѣлаесть. Рискнетъ даже пряниками и нарочно пожелаетъ самого пагубнаго вздора, самой неэкономической безсмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумію, примѣшать свой пагубный фантастическій элементъ. Именно свои фантастическія мечты, свою пошлѣйшую глупость пожелаетъ удержать за собой, единственно для того, чтобъ самому себѣ подтвердить (точно это такъ ужь очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепьянныя клавиши, на которыхъ хоть и

играютъ сами законы природы, собственноручно, но грозятъ до того доигратъся, что ужь мимо календаря и захотѣть ничего нельзя будетъ. Да вѣдь мало того: даже въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно-бы оказался фортепьянной клавишей, если-бы это доказать ему даже естественными науками и математически, такъ и тутъ необразумится, а нарочно напротивъ что-нибудь сдѣлаетъ, единственно изъ одной неблагодарности; собственно чтобъ настоять на своемъ. А въ томъ случаѣ если средствъ у него не окажется, — выдумаетъ разрушеніе и хаосъ, выдумаетъ разныя страданія и настоить-таки на своемъ! Проклятіе пустить по свѣту, а такъ-какъ проклинать можетъ только одинъ человѣкъ (это ужь его привилегія, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхъ) такъ вѣдь онъ пожалуй однимъ проклятіемъ достигнетъ своего, т. е. дѣйствительно убѣдится, что онъ человѣкъ, а не фортепьянная клавиша! Если вы скажете, что и это все можно разсчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятіе, такъ что ужь одна возможность предварительнаго разсчета все остановитъ и разсудокъ возьметъ свое, — такъ человѣкъ нарочно сумасшедшимъ на этотъ случай сдѣлается, чтобъ не имѣть разсудка и настоять на своемъ! Я вѣрю въ это, я отвѣчаю за это, потому что вѣдь все дѣло-то человѣческое кажется и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобъ человѣкъ поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человѣкъ, а не штифтикъ! хотъ своими боками да доказывалъ; хотъ троглодитствомъ да доказывалъ. А послѣ этого какъ не согрѣшить не похвалить, что этого еще нѣтъ и что хотѣнье покамѣстъ еще чортъ знаетъ отъ чего зависить....

Вы кричите мнѣ (если только еще удостоите меня вашимъ крикомъ), что вѣдь тутъ никто съ меня воли не снимаетъ; что тутъ только и хлопчуть какъ нибудь такъ устроить, чтобъ воля моя сама, своей собственной волей, совпадала съ моими нормальными интересами, съ законами природы и съ арифметикой.

— Эхъ, господа, какая ужь тутъ своя воля будетъ, когда дѣло доходить до таблички и до арифметики, когда будетъ одно только дважды-два-четыре въ ходу? Дважды-два и безъ моей воли четыре будетъ. Такая-ли своя воля бываетъ!

IX.

Господа, я конечно шучу, и самъ знаю, что неудачно шучу, но вѣдь и нельзя-же все принимать за шутку. Я можетъ быть скрипя зубами шучу. Господа, меня мучатъ вопросы; разрѣшите ихъ мнѣ. Вотъ вы, напримѣръ, человѣка отъ старыхъ привычекъ хотите отучить и волю его исправить,

сообразно съ требованіями науки и здраваго смысла. Но почему вы знаете, что человекъ не только можно, но и *нужно* такъ передѣлывать? изъ чего вы заключаете, что хотѣнью человеческому такъ необходимо *надо* исправиться? Однимъ словомъ, почему вы знаете, что такое исправленіе дѣйствительно принесетъ человекъ выгоду? И, если ужъ все говорить, почему вы такъ *навѣрно* убѣждены, что не идти противъ настоящихъ, нормальныхъ выгодъ, гарантированныхъ доводами разума и арифметикой, дѣйствительно для человекъ всегда выгодно и есть законъ для всего человечества? Вѣдь это покамѣстъ еще только одно ваше предположеніе. Положимъ, что это законъ логики, но можетъ быть вовсе не человечества. Вы можетъ быть думаете, господа, что я сумасшедшій? Позвольте оговориться. Я согласенъ: человекъ есть животное, по преимуществу созидающее, присужденное стремиться къ цѣли сознательно и заниматься инженернымъ искусствомъ, т. е. вѣчно и непрерывно дорогу себѣ прокладывать хотя *куда-бы то ни было*. Но вотъ именно потому-то, можетъ быть, ему и хочется иногда вильнуть въ сторону, что онъ *присужденъ* пробивать эту дорогу, да еще пожалуй потому, что какъ ни глупъ непосредственный дѣятель вообще, но все-таки ему иногда приходитъ на мысль, что дорога-то, оказывается, почти всегда идетъ *куда-бы то ни было*, и что главное дѣло не въ томъ куда она идетъ, а въ томъ, чтобъ она только шла, и чтобъ благонравное дитя, пренебрегая инженернымъ искусствомъ, не предавалось губительной праздности, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ. Человекъ любитъ созидать и дороги прокладывать, это безспорно. Но отчего же онъ до страсти любитъ тоже разрушеніе и хаосъ? Вотъ это скажите-ка! Но объ этомъ мнѣ самому хочется заявить два слова особо. Не потому-ли, можетъ быть, онъ такъ любитъ разрушеніе и хаосъ (вѣдь это безспорно, что онъ иногда очень любитъ, это ужъ такъ), что самъ инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить созидаемое зданіе? Почему вы знаете, можетъ-быть онъ зданіе-то любитъ только издали, а отнюдь не вблизи; можетъ-быть онъ только любитъ созидать его, а не жить въ немъ, предоставляя его потомъ аих *animaux domestiques*, какъ-то муравьямъ, баранамъ и проч. и проч. Вотъ муравьи совершенно другого вкуса. У нихъ есть одно удивительное зданіе въ этомъ-же родѣ навѣки нерушимое, — муравейникъ.

Съ муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейникомъ навѣрно и кончатъ, что приносить большую честь ихъ постоянству и положительности. Но человекъ существо легкомысленное и неблаговидное и, можетъ быть, подобно шахматному игроку, любитъ только одинъ процессъ достиженія цѣли, а не самую цѣль. И, кто знаетъ, (поручиться нельзя), можетъ быть, что и вся-то цѣль на землѣ, къ которой человечество стремится, только и заключается въ одной этой непрерывности процесса

достиженія, иначе сказать — въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая, разумѣется, должна быть не иное-что какъ дважды два четыре, т. е. формула, а вѣдь дважды-два-четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. По крайней мѣрѣ человѣкъ всегда какъ-то боялся этого дважды-два четыре, а я и теперь боюсь. Положимъ человѣкъ только и дѣлаетъ, что отыскиваетъ эти дважды-два-четыре, океаны переплываетъ, жизнью жертвуетъ въ этомъ отыскиваніи, но отыскать, дѣйствительно найти, — ей богу какъ-то боится. Вѣдь онъ чувствуетъ, что какъ найдетъ, такъ ужъ нечего будетъ тогда отыскивать. Работники кончивъ работу, по крайней мѣрѣ деньги получаютъ, въ кабачокъ пойдутъ, потомъ въ часть попадутъ — ну вотъ и занятія на недѣлю. А человѣкъ куда пойдетъ? По крайней мѣрѣ, каждый разъ замѣчается въ немъ что-то неловкое при достиженіи подобныхъ цѣлей. Достиженіе онъ любитъ, а достигнуть ужъ и не совсѣмъ, и это конечно ужасно смѣшно. Однимъ словомъ, человѣкъ устроенъ комически; во всемъ этомъ очевидно заключается каламбуръ. Но дважды-два-четыре, — все-таки вещь пренесносная. Дважды-два-четыре, вѣдь это по моему мнѣнію, только нахальство-сь. Дважды-два-четыре смотритъ фертомъ, стоитъ поперегъ вашей дороги руки въ боки и плюется. Я согласенъ, что дважды-два-четыре превосходная вещь; но если ужъ все хвалить, то и дважды-два-пять премилая иногда вещица.

И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное, — однимъ словомъ — только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается-ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь можетъ быть человѣкъ любить не одно благоденствіе? Можетъ быть онъ ровно настолько-же любить страданіе? Можетъ быть страданіе-то ему ровно настолько-же и выгодно какъ благоденствіе? А человѣкъ иногда ужасно любить страданіе, до страсти, и это фактъ. Тутъ ужъ и со всемірной исторіей справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человѣкъ и хоть сколько-нибудь жили. Что-же касается до моего личнаго мнѣнія, то любить только одно благоденствіе, даже какъ-то и неприлично. Хорошо-ли, дурно-ли, — но разломать иногда чтонибудь тоже очень пріятно. Я вѣдь тутъ собственно не за страданіе стою, да и не за благоденствіе. Стою я... за свой капризь, и за то, чтобъ онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится. Страданіе, на примѣръ, въ водевиляхъ не допускается, я это знаю. Въ хрустальномъ дворцѣ оно и не мыслимо: страданіе есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворецъ, въ которомъ можно усумниться? А между тѣмъ, я увѣренъ, что человѣкъ отъ настоящаго страданія, т. е. отъ разрушенія и хаоса, никогда не откажется. Страданіе, — да вѣдь это единственная причина сознанія. Я хоть и доложилъ вначалѣ, что сознаніе по моему есть величайшее для человѣка несчаствіе, но я знаю, что человѣкъ его

любить и не промѣняетъ ни на какія удовлетворенія. Сознаніе, напримѣръ, бесконечно выше чѣмъ дважды-два. Послѣ дважды-двухъ ужь разумѣется ничего не останется, не только дѣлать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будетъ, это — заткнуть свои пять чувствъ и погрузиться въ созерцаніе. Ну, а при сознаніи, хоть и тотъ-же результатъ выходитъ, т. е. тоже будетъ нечего дѣлать, но по крайней мѣрѣ самого себя иногда можно посѣчь, а это все-таки подживляетъ. Хоть и ретроградно, а все же лучше, чѣмъ ничего.

Х.

Вы вѣрите въ хрустальное зданіе, навѣки нерушимое, т. е. въ такое, которому нельзя будетъ ни языка украдкой выставить, ни кукиша въ карманѣ показать. Ну, а я можетъ быть потому-то и боюсь этого зданія, что оно хрустальное и навѣки нерушимое, и что нельзя будетъ даже и украдкой языка ему выставить.

Вотъ видите-ли: если вмѣсто дворца будетъ курятникъ и пойдетъ дождь, я можетъ быть и влѣзу въ курятникъ, чтобъ не замочиться, но все-таки курятника не приму за дворецъ, изъ благодарности что онъ меня отъ дождя сохранилъ. Вы смѣетесь, вы даже говорите, что въ этомъ случаѣ курятникъ и хоромы — все равно. Да, отвѣчаю я, еслибъ надо было жить только для того, чтобъ не замочиться.

Но что же дѣлать, если я забралъ себѣ въ голову, что живутъ и не для одного этого и что если ужь жить, такъ ужь жить въ хоромахъ. Это мое хотѣніе, это желаніе мое. Вы его выскоблите изъ меня только тогда, когда перемените желанія мои. Ну, перемените, прельстите меня другимъ, дайте мнѣ другой идеаль. А покамѣстъ я ужь не приму курятника за дворецъ. Пусть даже такъ будетъ, что хрустальное зданіе есть пуфъ, что по законамъ природы его и не полагается, и что я выдумалъ его только вслѣдствіе моей собственной глупости, вслѣдствіе нѣкоторыхъ старинныхъ, нерациональныхъ привычекъ нашего поколѣнія. Но какое мнѣ дѣло, что его не полагается. Не все-ли равно, если онъ существуетъ въ моихъ желаніяхъ, или, лучше сказать, существуетъ пока существуютъ мои желанія? Можетъ-быть вы опять смѣетесь? Извольте смѣяться; я всѣ насмѣшки приму и все-таки не скажу что я сытъ, когда я ѣсть хочу; все-таки знаю, что я не успокоюсь на компромиссѣ, на непрерывномъ періодическомъ нулѣ, потому только, что онъ существуетъ по законамъ природы и существуетъ *дѣйствительно*. Я не приму за вѣнецъ желаній моихъ — капитальный домъ, съ квартирами для бѣдныхъ жильцовъ по контракту на тысячу лѣтъ и, на всякой случай, съ зубнымъ врачомъ Вагенгеймомъ на вывѣскѣ. Уничтожьте мои желанія,

сотрите мои идеалы, покажите мнѣ что нибудь лучше, и я за вами пойду. Вы, пожалуй, скажете, что не стоит и связываться; но въ такомъ случаѣ вѣдь и я вамъ могу тѣмъ-же отвѣтить. Мы разсуждаемъ серьезно; а не хотите меня удостоить вашимъ вниманіемъ, такъ вѣдь кланяться не буду. У меня есть подполье.

А покамѣстъ я еще живу и желаю, — да отсохни у меня рука, коль я хоть одинъ кирпичекъ на такой капитальный домъ принесу! Не смотрите на то, что я давеча самъ хрустальное зданіе отвергъ, единственно по той причинѣ, что его нельзя будетъ языкомъ подразнить. Я это говорилъ вовсе не потому, что ужь такъ люблю мой языкъ выставлять. Я можетъ быть на то только и сердился, что такого зданія, которому бы можно было и не выставлять языка, изъ всѣхъ вашихъ зданій до сихъ поръ не находится. Напротивъ я бы далъ себѣ совсѣмъ отрѣзать языкъ, изъ одной благодарности, еслибъ только устроилось такъ, чтобъ мнѣ самому уже болѣе никогда не хотѣлось его высовывать. Какое мнѣ дѣло до того, что такъ невозможно устроить и что надо довольствоваться квартирами. Зачѣмъ-же я устроенъ съ такими желаніями? Неужели-жъ я для того только и устроенъ, чтобъ дойти до заключенія, что все мое устройство одно надуваніе? Неужели въ этомъ вся цѣль? Не вѣрю.

А впрочемъ знаете что: я убѣжденъ, что нашего брата подпольнаго нужно въ уздѣ держать. Онъ хоть и способенъ молча въ подпольѣ сорокъ лѣтъ просидѣть, но ужь коль выйдетъ на свѣтъ, да прорвется, такъ ужь говорить, говорить, говорить...

XI.

Конецъ концовъ, господа: лучше ничего недѣлать! Лучше сознательная инерція! И такъ да здравствуетъ подполье! Я хоть и сказалъ, что завидую нормальному человѣку до послѣдней жолчи; но на такихъ условіяхъ въ какихъ я вижу его, не хочу имъ быть (хотя все-таки не перестану ему завидовать. Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе)! Тамъ по крайней мѣрѣ можно... Эхъ! да вѣдь я и тутъ вру! Вру, потомучто самъ знаю, какъ дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсѣмъ другое, котораго я жажду, но котораго никакъ не найду! Къ чорту подполье!

Даже вотъ что тутъ было бы лучше: это — еслибъ я вѣрилъ самъ, хоть чему нибудь изъ всего того что теперь написалъ. Клянусь-же вамъ, господа, что я ни одному, ни одному-таки словечку не вѣрю изъ того что теперь настрочилъ! То есть я и вѣрю, пожалуй, но въ тоже самое время неизвѣстно почему чувствую и подозрѣваю, что я вру какъ сапожникъ.

— Такъ для чего-же писали все это? — говорите вы мнѣ.— А вотъ посадилъ-бы я васъ лѣтъ на сорокъ безо всякаго занятія, да и пришолъ-бы къ вамъ черезъ сорокъ лѣтъ, въ подполье, навѣдаться до чего вы дошли? Развѣ можно человѣка безъ дѣла на сорокъ лѣтъ одного оставлять?

«И это не стыдно, и это не унизительно!» можетъ быть скажете вы мнѣ, презрительно покачивая головами. «Вы жаждете жизни и сами разрѣшаете жизненные вопросы логической путаницей. И какъ назойливы, какъ дерзки ваши выходки и въ тоже время какъ вы боитесь! Вы говорите вздоръ и довольны имъ; вы говорите дерзости, а сами непрерывно боитесь за нихъ и просите извиненія. Вы увѣряете, что ничего не боитесь и въ тоже время въ нашемъ мнѣнїи заискиваете. Вы увѣряете, что скрежещете зубами и въ тоже время острите, чтобъ насъ размѣшить. Вы знаете, что остроты ваши неостроумны, но вы очевидно очень довольны ихъ литературнымъ достоинствомъ. Вамъ можетъ быть дѣйствительно случалось страдать, но вы нисколько не уважаете своего страданія. Въ васъ есть и правда, но въ васъ нѣтъ цѣломудрїя; вы изъ самага мелкаго тщеславїя несете вашу правду на показъ, на позоръ, на рынокъ... Вы дѣйствительно хотите что-то сказать, но изъ боязни прячете ваше послѣднее слово, потомучто у васъ нѣтъ рѣшимости его высказать, а только трусливое нахальство. Вы хвалитесь сознаниемъ, но вы только колеблетесь, потомучто хоть умъ у васъ и работаетъ, но сердце ваше развратомъ помрачено, а безъ чистаго сердца — полнаго правильнаго сознания не будетъ. И сколько въ васъ назойливости, какъ вы напрашиваетесь, какъ вы кривляетесь! Ложь, ложь и ложь!»

Разумѣется всѣ эти ваши слова я самъ теперь сочинилъ. Это тоже изъ подполья. Я тамъ сорокъ лѣтъ сряду къ этимъ вашимъ словамъ въ щелочку прислушивался. Я ихъ самъ выдумалъ, вѣдь только это и выдумывалось. Не мудрено, что наизусть заучилось и литературную форму приняло...Но неужели, неужели вы и въ самомъ дѣлѣ до того легковѣрны, что воображаете, будто я это все напечатаю, да еще вамъ дамъ читать? И вотъ еще для меня задача: для чего, въ самомъ дѣлѣ, называю я васъ «господами», для чего обращаюсь къ вамъ какъ будто и вправду къ читателямъ? Такихъ признаній, какія я намѣренъ начать излагать, не печатаютъ и другимъ читать не даютъ. По крайней мѣрѣ я на столько твердости въ себѣ не имѣю, да и нужнымъ не считаю имѣть. Но видите-ли: мнѣ въ голову пришла одна фантазія и я во что бы ни стало ее хочу осуществить. Вотъ въ чемъ дѣло.

Есть въ воспоминанїяхъ всякаго человѣка такіе вещи, которыя онъ открываетъ не всѣмъ, а развѣ только друзьямъ. Есть и такія, которые онъ и друзьямъ не откроетъ, а развѣ только себѣ самому, да и то подъ секретомъ. Но есть, наконецъ, и такія, которыя даже и себѣ человѣкъ открывать боится и такихъ вещей у всякаго порядочнаго человѣка довольно-таки накопится. То

есть даже такъ: чѣмъ болѣе онъ порядочный человѣкъ, тѣмъ болѣе у него ихъ и есть. По крайней мѣрѣ я самъ только недавно рѣшился припомнить инья мои прежнія приключенія, а до сихъ поръ всегда обходилъ ихъ, даже съ какимъ-то безпокойствомъ. Теперь же, когда я не только припоминаю, но даже рѣшился записывать, теперь я именно хочу испытать: можно ли хоть съ самимъ собой совершенно быть откровеннымъ и не побояться всей правды? Замѣчу кстати: Гейне утверждаетъ, что вѣрныя автобіографіи почти невозможны и что человѣкъ, самъ объ себѣ навѣрно налжотъ. По его мнѣнію, Руссо, на примѣръ, непремѣнно налгалъ на себя въ своей исповѣди, и даже умышленно налгалъ, изъ тщеславія. Я увѣренъ, что Гейне правъ; я очень хорошо понимаю какъ иногда можно единственно изъ одного тщеславія наклепать на себя цѣлыя преступленія и даже очень хорошо постигаю какого рода можетъ быть это тщеславіе. Но Гейне судилъ о человѣкѣ, исповѣдывавшемся передъ публикой. Я же пишу для одного себя и разъ навсегда объявляю, что если я и пишу какъ-бы обращаясь къ читателямъ, то единственно только для показу, потому что такъ мнѣ легче писать. Тутъ форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будетъ. Я уже объявилъ это...

Я ничѣмъ не хочу стѣсняться въ редакціи моихъ записокъ. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу.

Ну вотъ, на примѣръ: могли-бы придраться къ слову и спросить меня: если вы дѣйствительно не рассчитываете на читателей, то для чего-же вы теперь дѣлаете съ самимъ собой, да еще на бумагѣ, такіе уговоры, т. е., что порядка и системы заводить не будете, что запишите то, что припомнится и т. д. и т. д.? Кчему вы объясняетесь? Кчему извиняетесь?

А вотъ подите-же, отвѣчаю я. Тутъ впрочемъ цѣлая психологія. Можетъ быть и то, что я просто трусь. А можетъ быть и то, что я нарочно воображаю передъ собой публику, чтобъ вести себя приличнѣе, въ то время когда буду записывать. Причинъ можетъ быть тысяча.

Но вотъ что еще: для чего, зачѣмъ собственно я хочу писать? Если не для публики, такъ вѣдь можно-бы и такъ, мысленно все припомнить, не переводя на бумагу?

Такъ-съ; но на бумагѣ оно выйдетъ какъ-то торжественнѣе. Въ этомъ есть что-то внушающее, суда больше надъ собой будетъ, слогу прибавится. Кромѣ того: можетъ быть я отъ записыванія дѣйствительно получу облегченіе. Вотъ нынче, на примѣръ, меня особенно давитъ одно давнишнее воспоминаніе. Припомнилось оно мнѣ ясно еще на дняхъ и съ тѣхъ поръ осталось со мною, какъ досадный музыкальный мотивъ, который не хочетъ отвязаться. А между тѣмъ надобно отъ него отвязаться. Такихъ воспоминаній у меня сотни; но по временамъ, изъ сотни, выдается одно какое-нибудь и

давить. Я почему-то вѣрю, что если я его запишу, то оно и отвяжется. Отчего-жь не испробовать?

Наконецъ: мнѣ скучно, а я постоянно ничего не дѣлаю. Записыванье же дѣйствительно какъ-будто работа. Говорять отъ работы человѣкъ добрымъ и честнымъ дѣлается. Ну вотъ шансъ по крайнѣй мѣрѣ.

Нынче идетъ снѣгъ, почти мокрый, желтый, мутный. Вчера шоль тоже, на дняхъ тоже шоль. Мнѣ кажется я по поводу мокраго снѣга и припомнилъ тотъ анекдотъ, который не хочетъ теперь отъ меня отвязаться. И такъ пусть это будетъ повѣсть по поводу мокраго снѣга.

(Продолженіе будетъ).

Ф. Достоевскій